

Научная статья
УДК 327(510:470+571)
<https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.6>

Геополитические факторы в формировании подходов России к китайской инициативе «Пояс и путь»

Хао Ван

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
wanghao718@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6050-0918>

Аннотация. Заявленная председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. инициатива «Пояс и путь» получает совершенно разные, нередко противоречивые и неоднозначные экспертные оценки со стороны мирового сообщества. Их характер зависит от актуальной геополитической обстановки в мире и от хода реализации инициативы «Пояс и путь». В статье раскрывается китайское видение того, как менялось восприятие данной концепции в российских политических кругах, отмечается обусловленность отношения к ней ситуацией на мировой экономико-политической арене; в частности, обострение конфликтности в отношениях России и Запада и интенсивность антироссийских санкций США и ЕС провоцируют рост интереса Москвы к поддержке китайской инициативы, а ослабление напряженности ведет к его снижению. Сегодня в связи с проведением Россией военной спецоперации на Украине ее отношения с европейскими странами и США находятся в фазе активного информационного и экономического противостояния. В такой ситуации Китай больше не может рассчитывать на использование российских территорий для реализации положений своей идеологической инициативы, ему необходимы альтернативные способы выстраивания транспортных коридоров в Европу.

Ключевые слова: Китай, Россия, «Пояс и путь», внешняя политика, взаимодействие России и Китая

Финансирование: статья выполнена при финансовой поддержке Совета стипендиальных программ Китая.

Для цитирования: Хао Ван. Геополитические факторы в формировании подходов России к китайской инициативе «Пояс и путь» // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 50–54. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.6>.

Original article

Geopolitical factors in shaping Russia's approaches to the Chinese Belt and Road Initiative

Hao Wang

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
wanghao718@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6050-0918>

Abstract. The Belt and Road Initiative, announced by Chinese President Xi Jinping in 2013, has received very different, often conflicting and ambiguous expert assessments from the global community. Their nature depends on the current geopolitical situation in the world and the progress of the Belt and Road Initiative. The article reveals the Chinese view of how perceptions of this concept have changed in Russian political quarters, noting that attitudes to it are conditioned by the situation on the global economic and political scene; in particular, the escalation of conflict in Russian-Western relations and the intensity of the US and EU anti-Russian sanctions have provoked an increased interest in Moscow to support the Chinese initiative, while the easing of tensions leads to a decrease in it. Currently, due to Russia's military operation in Ukraine, its relations with European countries and the United States are in a phase of active information and economic confrontation. Under such circumstances, China can no longer rely on using Russian territories to implement the provisions of its ideological initiative; it needs alternative ways of building transport corridors to Europe.

Keywords: China, Russia, Belt and Road, foreign policy, Sino-Russian interaction

Funding: the reported study was funded by the China Scholarship Programme Board.

For citation: Hao Wang. (2022) Geopolitical factors in shaping Russia's approaches to the Chinese Belt and Road Initiative. *Society: Politics, Economics, Law.* (5), 50–54. Available from: doi:10.24158/pep.2022.5.6 (In Russian).

Когда в 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином была выдвинута инициатива, получившая впоследствии обобщенное наименование «Пояс и путь», в России большинством экспертов она была оценена как свидетельствующая о зарождающемся соперничестве на постсоветском

пространстве и отражающая попытку Пекина вывести из сферы российского влияния пять центральноазиатских государств (Мастепанов, Томберг, 2018). Китайская инициатива также рассматривалась как вызов развивавшейся при определяющей роли России евразийской интеграции с идеей создания общего рынка между РФ, Казахстаном, Белоруссией, Киргизией и Арменией. Наконец, Москва оценивала «Пояс и путь», предполагавший среди прочего создание крупных транспортных коридоров в обход России через Центральную Азию, как вызов ее стремлению служить мостом между Европой и Азией, в частности, посредством проекта развития Транссибирской магистрали.

Однако уже менее чем через два года обозначились изменения в отношении Москвы к китайской инициативе. Впервые положительная реакция российского политического руководства на нее была зафиксирована в заявлении, принятом в мае 2014 г. по итогам официального визита В. Путина в Китай (Лексютина, 2018: 1334). Президент РФ обнаружил в китайской инициативе возможность получить экономическую, политическую и геополитическую выгоду для своей страны. Хотя у российского руководства оставались сомнения и опасения в отношении содержания инициативы, преобладающим стало понимание того, что она открывает благоприятные возможности для России, приобретающие особое значение на фоне кризиса ее отношений с Западом после 2014 г. Именно после 2014 г. можно говорить о новом подходе Москвы к китайской инициативе, состоящем в признании российского руководства необходимости сотрудничества с Поднебесной в деле ее продвижения (Gabuev, Zuenko, 2018: 157).

Впрочем, уже в 2016–2017 гг. отношение к «Поясу и пути» в российском экспертном сообществе снова изменилось: произошел переход от позитивного настроения к разочарованию. Это было связано во многом с неудовлетворенностью сторон результатами российско-китайского сотрудничества в области продвижения «Пояса и пути». В это время также был опубликован ряд работ, в которых содержались тезисы о том, что сотрудничество между Китаем и Россией подорвано напряженностью и недоверием между двумя государствами¹ (Gabuev, 2016; Lee, Kim, 2017). В оценках многих российских исследователей инициатива «Пояс и путь» оставалась исключительно китаецентричной, отражающей скрытые амбиции Пекина по расширению его геоэкономического присутствия в Евразии.

Интенсификация сближения России с Китаем с 2014 г. происходила в особом геополитическом контексте – на фоне обострения напряженности между Западом и Россией после украинского кризиса 2014 г. и введения против РФ целого спектра финансовых и секторальных санкций, что, соответственно, давало Москве возможность избежать дипломатической изоляции (Peugrouse, 2017: 96) и найти новые источники импорта технологий и финансового капитала.

С 2017 г., когда Россия адаптировалась к новой реальности в отношениях с Западом и санкционному режиму, отсылки к «Поясу и пути» в российской повестке дня постепенно стали замещаться концепцией Большого евразийского партнерства, которая презентовалась как более масштабная инициатива, в том числе включающая в себя в качестве составляющей «Пояс и путь».

Вместе с тем важно учитывать тот факт, что от демонстрации своего конструктивного отношения к китайской инициативе руководство России явно выигрывало. Эта демонстрация в какой-то момент заставила как внешнеполитических оппонентов Москвы, так и россиян поверить в то, что существующие в экономике страны проблемы будут решены при помощи китайских партнеров. Хотя надежды на масштабную помощь Поднебесной пока не оправдались, это не значит, что российское руководство не добилось своих целей. «Интеграционный фасад» – термин, который был использован А. Габуевым и И. Зуенко (Gabuev, Zuenko, 2018) для описания отношения России к инициативе «Пояс и путь» – выгоден как России, так и Китаю, так как он основан на геополитическом, а не экономическом понимании концепции.

Интенсивность и перспективы экономического сотрудничества России с Китаем тесно связаны с геополитическими факторами, так как для того, чтобы каким-то образом дистанцироваться от Поднебесной и выдвигаемых ею инициатив, России нужно выйти из экономического кризиса и улучшить отношения с Западом в целях ослабления санкционного давления. Только в таком случае Москва может позволить себе стать менее гибкой в переговорах с Пекином в вопросах продвижения инициативы «Пояс и путь».

Учитывая же современный контекст открытой конфликтности отношений России с Западом, последовавшей после начала специальной военной операции в Украине с февраля 2022 г., в ближайшей перспективе Китай станет для России еще более близким партнером². Сейчас

¹ Коростиков М. Под высоким сопряжением [Электронный ресурс] // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2978877> (дата обращения: 22.03.2022).

² Forough M. What Will Russia's Invasion of Ukraine Mean for China's Belt and Road [Электронный ресурс] // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2022/03/what-will-russias-invasion-of-ukraine-mean-for-chinas-belt-and-road/> (дата обращения: 24.03.2022).

Москва не сможет выдвигать свои условия, наоборот, любое сотрудничество с Китаем для нее будет выгоднее, чем потеря важного геополитического партнера. Взаимодействие двух государств в рамках «Пояса и пути» усиливает российский «поворот на Восток», тем самым снижая экономическую и институциональную зависимость России от Запада. Экономические перспективы двустороннего сотрудничества для Москвы состоят в приобретении партнера с хорошо развитой экономикой, способного и желающего закупать энергетические ресурсы, которыми богата Россия. Для обеих стран привлекательной является возможность переформатирования межгосударственных экономических и интеграционных связей в сторону построения «евразийского мира» без вмешательства США и их союзников. В условиях западных антироссийских санкций и попыток изолировать РФ от остального мира сближение с Китаем в рамках инициативы «Пояс и путь» может быть более чем выгодно для России.

Для Китая поддержка Россией национальной инициативы «Пояс и путь» также очень важна. Серьезным препятствием для реализации концепции всегда оставалась сильная ее критика со стороны целого ряда крупных мировых держав, на этом фоне поддержка России как крупного международного игрока существенна для Китая. Наиболее критически к инициативе Поднебесной подходят Индия (Damuri et al., 2019) и США¹ – государства, имеющие напряженные отношения с КНР. Российский китаист Я.В. Лексютина в одном из своих исследований приводит примеры предметной критики инициативы, отмечая в том числе предоставление экономически «связанных кредитов» и несоответствие условий займов международным стандартам (Лексютина, 2019: 148–149; 2020: 7–8). Пекин, которому важно продолжать развивать инициативу, предпринимает меры по совершенствованию своего взаимодействия со странами – участниками проекта и устранению указанных претензий к инициативе с целью заручиться поддержкой большего количества государств и минимизировать зависимость от России в этом отношении². Однако в настоящий момент Москва все еще является для Пекина ключевой страной-партнером. Этот статус России в глазах Китая поддерживается целым рядом факторов, среди них: протяженная общая граница, ориентация правительственных кругов на взаимодействие, потребность в сотрудничестве у обеих стран, общие оппоненты в мировом политическом пространстве, склонность России к уступкам в ходе переговоров по продвижению китайской инициативы, обусловленная складывающейся геополитической обстановкой. В этой связи можно сказать, что для Поднебесной очевидны явные преимущества продолжать сотрудничество с РФ в ближайшее время.

Что касается проблем, с которыми может столкнуться Россия в результате взаимодействия в рамках «Пояса и пути», они, как правило, концентрируются на двух вопросах.

Первый из них связан с выяснением, ослабит ли дальнейшее усиление китайского экономического присутствия в Центральной Азии влияние России в регионе в долгосрочной перспективе, поскольку у Москвы просто нет финансовых средств для конкуренции с Пекином в сфере инвестирования, кредитования и оказания поддержки развитию стран Центральной Азии (Martynenko, Parkhitko, 2019: 857). Россия поддерживает прочные политические связи с регионом, в то время как Китай вливает в него финансовый капитал и увеличивает объем торговли с ним. Безусловно, нужно оговориться, что РФ является основным направлением экспорта трудовых ресурсов из Центральной Азии и сохранит эту роль в обозримом будущем, Китай вряд ли может сравниться с Россией в этом отношении в контексте исторической и политической близости с Центральной Азией.

Второй вопрос связан с тем, что «поворот России на Восток» поставил ее в политическое и экономическое положение зависимости от Китая, и это может со временем негативно повлиять на интересы безопасности России³. Пекин, напротив, занимает более выгодную позицию в отношениях с Москвой. Если раньше КНР находилась в некоторой энергетической зависимости от России, в данный момент страна уже существенно диверсифицировала импорт энергоносителей и продолжает двигаться в этом направлении. Так, в анализе поставок природного газа в Китай за

¹ Meltzer J.P. China's One Belt One Road Initiative: A view from the United States [Электронный ресурс] // Brookings. URL: <https://www.brookings.edu/research/chinas-one-belt-one-road-initiative-a-view-from-the-united-states/> (дата обращения: 21.03.2022).

² 推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动 = Видение и действия по совместному строительству экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2015/0329/c1001-26765454-5.html> (дата обращения: 23.03.2022) (на кит. яз.)

³ Gill I. Future Development Reads: China's Belt and Road Initiative [Электронный ресурс] // Brookings. URL: <https://www.brookings.edu/blog/future-development/2017/09/22/future-development-reads-chinas-belt-and-road-initiative/> (дата обращения: 25.03.2022).

период зимы – весны 2021–2022 гг. можно найти информацию о том, что ожидается увеличение объемов импорта газа по трубопроводу Китая из Мьянмы¹.

Главная проблема для КНР в настоящий момент заключается в обострении конфликта между Россией и Украиной, так как он, вероятно, изменит также и конфигурацию инициативы «Пояс и путь». Для Китая обширная территория России была самым удобным наземным путем к рынку ЕС (Lee et al., 2015). Россия, Украина, Польша и Беларусь собирались стать частью Нового евразийского сухопутного моста, который в основном должен был быть представлен железнодорожным сообщением. На данный момент Китаю придется в краткосрочной перспективе переориентироваться на морские пути, а в долгосрочной – разрабатывать проекты создания других транспортно-логистических коридоров, которые могут быть запасными, а возможно, и основными путями для доставки грузов в Европу².

В целом следует заключить, что геополитические факторы в формировании подходов России к китайской инициативе «Пояс и путь» являются одними из ключевых, в связи с чем отношения двух государств оказываются в зависимости от поведения других акторов на мировой арене, а также от внутренних противоречий самих стран, участвующих в выстраивании взаимовыгодного сотрудничества. В связи с этим имеет смысл осуществление мониторинга внешнеполитической глобальной ситуации с целью предупреждения неблагоприятных последствий для развития отношений России и Китая, а также стремление к компромиссу при решении спорных вопросов в свете будущих предпочтений взаимодействия.

Список источников:

Лексютин Я.В. Китайская инициатива «Пояс и путь»: вызовы и сложности реализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13, № 1. С. 4–19. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.101>.

Лексютин Я.В. Китайские инициативы «Пояс и путь» и АБИИ: подходы Японии и Индии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. Т. 24, № 24. С. 145–157.

Лексютин Я.В. Оценка первых результатов российско-китайского сотрудничества в русле реализации китайской инициативы «Пояс и путь» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14, № 7 (364). С. 1333–1347. <https://doi.org/10.24891/ni.14.7.1333>.

Мастепанов А., Томберг И. Китай диктует энергетическую политику XXI века // Международные процессы. 2018. Т. 16, № 3 (54). С. 6–38. <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.3.54.1>.

Damuri Y.R., Perkasa V., Atje R., Hirawan F. Perceptions and Readiness of Indonesia Towards the Belt and Road Initiative: Understanding Local Perspectives, Capacity and Governance. Jakarta, 2019. 52 p.

Gabuev A. Crouching Bear, Hidden Dragon: «One Belt one Road» and Chinese-Russian Jostling for Power in Central Asia // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2016. Vol. 5, iss. 2. P. 61–68. <https://doi.org/10.1080/24761028.2016.11869097>.

Gabuev A., Zuenko I. The «Belt and Road» in Russia: Evolution of Expert Discourse // Russia in Global Affairs. 2018. Vol. 16, iss. 4. P. 142–163. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2018-16-4-142-163>

Lee J.Y., Hyun K., Jin L. China's New Silk Road: Policies and Implications // Journal of International Logistics and Trade. 2015. Vol. 13, iss. 2. P. 55–70. <https://doi.org/10.24006/jilt.2015.13.2.55>

Lee J.Y., Kim H.J. One Belt One Road Initiative and Its Implications for the Global Economy // Journal of International Logistics and Trade. 2017. Vol. 15, iss. 1. P. 8–9. <https://doi.org/10.24006/jilt.2017.15.1.008>

Martynenko S.E., Parkhitko N.P. Russian-Chinese Cooperation in Central Asia in the Context of «Belt and Road Initiative»: Historical Retrospective and Economic Prospects // RUDN Journal of Russian History. 2019. Vol. 18, iss. 4. P. 845–864. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-845-864>.

Peyrouse S. The Evolution of Russia's Views on the Belt and Road Initiative // Asia Policy. 2017. Vol. 24. P. 96–102. <https://doi.org/10.1353/asp.2017.0026>.

References:

Damuri, Y. R., Perkasa, V., Atje, R. & Hirawan, F. (2019) *Perceptions and Readiness of Indonesia Towards the Belt and Road Initiative: Understanding Local Perspectives, Capacity and Governance*. Jakarta. 52 p.

Gabuev, A. & Zuenko, I. (2018) The «Belt and Road» in Russia: Evolution of Expert Discourse. *Russia in Global Affairs*. 16 (4), 142–163. Available from: doi:10.31278/1810-6374-2018-16-4-142-163

Gabuev, A. (2016) Crouching Bear, Hidden Dragon: «One Belt one Road» and Chinese-Russian Jostling for Power in Central Asia. *Journal of Contemporary East Asia Studies*. 5 (2), 61–68. Available from: doi:10.1080/24761028.2016.11869097.

Lee, J. Y. & Kim, H. J. (2017) One Belt One Road Initiative and Its Implications for the Global Economy. *Journal of International Logistics and Trade*. 15 (1), 8–9. Available from: doi:10.24006/jilt.2017.15.1.008.

Lee, J. Y., Hyun, K. & Jin, L. (2015) China's New Silk Road: Policies and Implications. *Journal of International Logistics and Trade*. 13 (2), 55–70. Available from: doi:10.24006/jilt.2015.13.2.55.

¹ Analysis: China Steps up Natural Gas Supply for 2021–22 Winter-Spring Season [Электронный ресурс] // S&P Global Commodity Insights. URL: <https://www.spglobal.com/commodity-insights/en/market-insights/latest-news/lng/092421-analysis-china-steps-up-natural-gas-supply-for-2021-22-winter-spring-season> (дата обращения: 23.03.2022).

² Forough M. What Will Russia's Invasion of Ukraine Mean for China's Belt and Road [Электронный ресурс] // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2022/03/what-will-russias-invasion-of-ukraine-mean-for-chinas-belt-and-road/> (дата обращения: 24.03.2022).

Leksyutina, Ya. V. (2018) Evaluation of the First Results of the Russian-Chinese Cooperation as Part Of China's One Belt, One Road Initiative. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. 14 (7 (364)), 1333–1347. Available from: doi:10.24891/ni.14.7.1333 (in Russian).

Leksyutina, Ya. V. (2019) Kitaiskie initsiativy «Poyas i put'» i ABII: podkhody Yaponii i Indii [Assessing the first results of Sino-Russian Cooperation in the Belt and Road Initiative of China]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'*. 24 (24), 145–157 (in Russian).

Leksyutina, Ya. V. (2020) China's Belt and Road Initiative: Challenges and Difficulties in Its Implementation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 13 (1), 4–19. Available from: doi:10.21638/spbu06.2020.101 (in Russian).

Martynenko, S. E. & Parkhitko, N. P. (2019) Russian-Chinese Cooperation in Central Asia in the Context of «Belt and Road Initiative»: Historical Retrospective and Economic Prospects. *RUDN Journal of Russian History*. 18 (4), 845–864. Available from: doi:10.22363/2312-8674-2019-18-4-845-864.

Mastepanov, A. & Tomberg, I. (2018) China Forms Energy Policy for 21st Century. *Mezhdunarodnye protsessy*. 16 (3 (54)), 6–38. Available from: doi:10.17994/IT.2018.16.3.54.1 (in Russian).

Peyrouse, S. (2017) The Evolution of Russia's Views on the Belt and Road Initiative. *Asia Policy*. 24, 96–102. Available from: doi:10.1353/asp.2017.0026

Информация об авторе

Хао Ван – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Information about the author

Hao Wang – PhD student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.